

С. П. ШИЛОВ

Тюменский университет

ГЕРМАНИЯ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

В сложной обстановке перед первой мировой войной, когда вновь обострился восточный вопрос, и в условиях формирования двух военно-политических блоков возрос интерес ко всем механизмам воздействия на международную ситуацию. Черноморские проливы Босфор и Дардонеллы, а также развитие флота на южных окраинах России попадают в зону особого внимания европейских держав. Исключением не являлась и кайзеровская Германия.

Представители отечественной исторической науки, как правило, ограничивались констатацией негатива официального Берлина к желанию Петербурга заблокировать выход из Черного моря¹. Что касается отношения Германии к развитию Черноморского флота, то в этом вопросе интерес исследователей еще менее заметен. Введение автором в оборот новых материалов из Федерального военного архива ФРГ, а также российских архивов позволяет взглянуть на указанную проблему и с точки зрения германо-турецкого морского сотрудничества.

***

После заключения англо-русского договора в 1907 г. противоречия двух государств несколько смягчились. Российская дипломатия стала надеяться на более лояльное отношение Англии к инициативам России относительно Босфора и Дарданелл. В дипломатических и военных кругах речь шла о подготовке захвата или, по крайней мере, изменения режима проливов. При этом в Петербурге рассчитывали, что ни со стороны Германии, ни со стороны Австро-Венгрии не будет противодействий.

Однако «молчаливого одобрения» не получилось. В 1908 г. вспыхнул Боснийский кризис, и в его условиях Берлин проявил полное непонимание русской ближневосточной политики². Морской атташе Германии в России Пауль Гинце доносил кайзеру Вильгельму II, что «Константинополь опять является целью политики расширения русского влияния, а Германия рассматривается как враг этих устремлений»³.

Сергей Павлович Шилов, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин филиала Тюменского государственного университета в г. Нягань Ханты-Мансийского автономного округа. Специалист по истории германского военно-морского флота.

¹ Например, в одной из последних публикаций, посвященной проблеме черноморских проливов, ее авторы не анализируют особенностей политики Берлина. Германия причисляется к ряду государств (Англия, Франция, Австро-Венгрия, Италия, Турция), которые были против изменения режима Босфора и Дарданелл. См.: Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетие) / Под ред. Л. Н. Нежинского, А. В. Игнатьева. М., 1999.

² Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 95.

³ Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (Далее — ВА-МА). RM 5 / 1434. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 18. 3. 1908.

Хотя германская политика могла претерпевать изменения по каким-то тактическим моментам, однако это не касалось принципиального отношения к проблеме Босфора и Дарданелл. Об этом заявил Вильгельмом II 22 октября 1908 г.: «Россия знает, что мы не будем оспаривать ее политику относительно проливов; однако исключено, что при сегодняшнем раскладе сил мы будем ей содействовать, так как это осложнит наши взаимоотношения с друзьями и союзниками»⁴.

Во время европейского турне российского министра иностранных дел А. П. Извольского, предпринятого им после Боснийского кризиса, была сделана попытка выявить позиции сторон. Извольский считал, что в качестве компенсации за аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины можно было бы открыть для России выход из Черного моря. Однако союзники по Антанте не желали решать проблему проливов в пользу русских. Это подтвердил английский дипломат Ч. Гардинг при встрече с канцлером Б. Бюловым в Берлине 10 февраля 1909 года. По его словам, Извольскому открыто сказали и в Париже, и в Лондоне, что время для урегулирования вопроса с Дарданеллами еще не подошло⁵.

Правда ранее, в донесении германского посла в Лондоне П. Меттерниха Бюлову от 24 октября 1908 г., это высказывание выглядело более изящно: Великобритания склоняется к тому, чтобы доказать России свою благожелательность и прекратить прежнее противодействие против открытия проливов. Однако она боится потерять дружбу Турции, если пойдет на уступки в этом вопросе⁶. Одновременно министр иностранных дел Великобритании Э. Грей заявил турецкому послу Рифат-паше, что его страна в переговорах Турции с Россией по вопросу о Босфоре и Дарданеллах развязывает Порте руки и ни в коем случае не будет оказывать на нее давление⁷.

Разочарование в Петербурге позицией Англии было глубоким. Посол Петербурга в Лондоне А. К. Бенкендорф высказал даже мысль о своем отзыве из страны⁸. В свою очередь, австрийский дипломат А. Эренталь в разговоре с кайзером в начале ноября 1908 г. отмечал, что враждебное поведение Извольского в вопросах об аннексии Боснии и Герцеговины объясняется не какой-то особой антирусской политикой Вены, а неудачей его переговоров о проливах в Англии⁹.

И Вильгельм II, и канцлер Бюлов в этих условиях пытались выработать наиболее удачные варианты действий. Последний посоветовал кайзеру при его визите в Австро-Венгрию вопрос о Босфоре и Дарданеллах не поднимать, а предоставить эту инициативу австрийцам. Такой ход позволил бы в последствии заявить, что Германия не выступает активно против русского желания в этом направлении. С другой стороны, при тогдашнем раскладе сил Берлин не смог бы оказывать давление на Порту¹⁰.

Временное единодушие в германском руководстве в отношении проливов исчезло после того, как Вильгельм решил разыграть эту карту в борьбе против главного соперника — Великобритании.

⁴ Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette von 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Hrsg. von Johannes Lepsius u. a. (Далее — G. P.). Bd. 25. № 9061.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid. Bd. 26 (1). № 9178. Der Botschafter in Konstantinopel Freiherr von Marschall an das Auswärtige Amt. Telegramm. Therapia. 25.10.1908.

⁸ Ibid. № 9181. Kaiser Wilhelm II an Bulow. Neues Palais. 13.12.1908.

⁹ Ibid. Bd. 25. № 9088.

¹⁰ Ibid. Bd. 26 (1). № 9179. Bulow an Wilhelm II. Berlin. 1.11.1908.

В декабре 1908 г. кайзер в письме Бюлову подробно изложил свое видение проблемы. «Если Австрия и Германия продемонстрируют царю, что в вопросах о проливах они идут России навстречу и все сложности будут устранены, (так как мы знаем, что он (Николай II. — С. Ш.) делает упор именно на эту проблему и даже не боится призывать к оружию), то они помогут достичь ему нового успеха. Это произошло бы в пику Лондону и одновременно удовлетворило бы русское общественное мнение. Франция вынуждена будет сделать выбор: либо идти со своим союзником — и таким образом с империями, — либо держаться Англии»¹¹. Далее события развивались бы, по мысли Вильгельма II, следующим образом: Англия окажется в таком положении, что придется или принять сторону Турции и тем самым выступить против открытия проливов, или открыть проливы для всех, чего не захочет Россия. Тем самым Англия вызовет к себе ненависть или турок, или русских, и она порвет либо со славянским, либо с магометанским миром¹².

Итак, проблеме проливов в международной политике Вильгельм II придавал исключительное значение. Очевидно, что на него оказало впечатление позиция Николая II, который в беседе с Гинце в качестве цели российской внешней политики назвал свободный вход и выход из Черного моря. При этом царь считал, что это тема специальной конференции, а не тайного соглашения с турецкой империей»¹³. В желании Николая II иметь во что бы то ни стало проливы своими, Вильгельм II увидел ключ к получению, укреплению и использованию дружбы с Россией. Поэтому Берлин в союзе с Веной должен был предпринять шаги по налаживанию диалога с Петербургом и привязать царя к Центральным державам¹⁴.

Однако этим, внутренне вполне логичным, заключениям противостояли обстоятельства, которые не позволили развиваться событиям по сценарию германского кайзера. Более того, они даже навредили отношениям между Россией и Германией.

На одно из таких неблагоприятных обстоятельств указал еще Бюлов, который высказывался против дипломатической игры Вильгельма II. По его мнению, кайзер не учел, как будет воспринято в России вообще и Николаем II, в частности, инициатива Германии и Австро-Венгрии по вопросу о проливах. «Возбуждение, господствовавшее длительное время против нас в Англии, — писал Бюлов, — а также отчасти во Франции, так велико, что наше выступление навстречу пожеланиям России скорее напугает, чем будет способствовать решению проблемы»¹⁵. В этом же духе была составлена и записка руководителя внешнеполитического ведомства В. Шоена¹⁶.

Но кайзер стоял на своем. В декабре 1908 г. Гинце в беседе с Николаем II сообщил, что кайзер охотно поддержит желание царя относительно проливов.

---

¹¹ Ibid. № 9181. Wilhelm II an Bulow. Neues Palais. 13.12.1908.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. № 9180. Pourtales an das Auswärtige Amt. Telegramm. St. Petersburg. 12.12.1908.

¹⁴ Ibid. № 9181. Wilhelm II an Bulow. Neues Palais. 13.12.1908.

¹⁵ Ibid. № 9182. Bulov an Wilhelm II. Berlin. 14.12.1908.

¹⁶ Шоэн указал на то, что момент для совместного демарша Германии и Австрии в Лондоне по вопросу проливов неблагоприятен. Англичане ни в коем случае не поддадутся и сделают все, чтобы разрушить планы Германии. В результате туркам было бы продемонстрировано, что их поддерживает только одна Великобритания. «Все выгоды от нашей дружбы в русском представлении будут нивелированы, если мы ничего не добьемся». См.: G. P. № 9184. Aufzeichnung des Staatssekretär des Auswärtigen Amtes von Schoen. 15. 12. 1908.

Реакцией было большое удивление со стороны русского императора и заявление, что вопрос будет решаться только «в будущем, в ближайшем будущем». Кайзер, расценив это как положительный ответ, на полях сообщения написал: «Очень отрадно! Желаемое воздействие достигнуто, и это доказывается удивлением царя. Это же все очень хорошо!»¹⁷.

Время показало, что сбылись худшие предсказания Бюлова. В начале мая 1909 г., описывая ситуацию с проливами, канцлер констатировал, что русские убеждены в том, что немцы только усложнили ситуацию. Англия и Франция стали смотреть на Германию с откровенным недоверием, а у Австрии возникло подозрение, что Берлин даже не смог выждать удобный момент, поторопившись с авансами России¹⁸.

Как указывал К. Ф. Шаццлло, к весне 1909 г. Россия убедилась в том, что все ведущие государства против ее планов¹⁹. Характерно, что, когда в связи с кризисом турецкого правительства европейские державы организовали совместный демарш своего флота в турецкие воды, и Бюлов 21 апреля 1909 г. сообщал кайзеру, что Россия хочет, воспользовавшись ситуацией, решить проблему проливов в свою пользу, Вильгельм II отреагировал однозначно. На полях записки канцлера он очень эмоционально написал две фразы: «Только не это! Мы не должны им содействовать в открытии Дарданелл!»²⁰.

Итак, Германии не удалась роль стороннего, благожелательно настроенного к России наблюдателя. Проблема проливов, как оказалось, заботила германскую империю значительно больше, чем это демонстрировалось Петербургу.

***

В Берлине понимали, что усилия Извольского могли быть более успешными, имей Россия в этом регионе соответствующие ее политическим амбициям военно-морские силы. В этой связи перспективы развития Черноморского флота, его количественные и качественные характеристики находились под постоянным вниманием политического руководства кайзеровской Германии и военно-морского ведомства.

Бюлов в своем сообщении на высочайшее имя в конце декабря 1908 г. полагал, что отсрочка решения вопроса о проливах со стороны России не в последнюю очередь объясняется и тем, что русский Черноморский флот пока был еще не в состоянии извлечь соответствующую выгоду из открытия Дарданелл. При этом канцлер сослался на премьер-министра П. А. Столыпина и министра финансов В. Н. Коковцова, которые высказались неодобрительно в адрес политики Извольского. По их мнению, Россия не может интересоваться открытием Дарданелл, так как Черное море еще не занято российским флотом²¹.

Еще раньше Гинце сообщал кайзеру, что Черноморский флот годится для защиты торговых судов, обороны побережья, а также для военных мероприятий против городов малоазиатского побережья. Однако для военных акций против Босфора или его укрепленной области он не подходит²². По мнению

¹⁷ Ibid. № 9185. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 19.12.1908.

¹⁸ Ibid. № 9186. Bulow an der Rat im Kaiserlichen Gefolge Gesandten Freiherrn von Jenisch, z. Z. in Korfu. Telegramm. Konzept. Berlin. 5.5.1909.

¹⁹ Шаццлло К. Ф. Указ. соч. С. 96.

²⁰ G. P. Bd. 27 (1). № 9588. Bulow an Wilhelm II., z. Z. in Korfu. Telegramm. Berlin. 21.4.1909.

²¹ Ibid. Bd. 26 (1). . № 9185. Anhang. S. 381.

²² BA-MA. RM 5 / 1438. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 18.4.1908.

Гинце, неожиданное нападение русских возможно лишь при беспечности турок. Да и то, к этому может побудить лишь «отважный вождь»²³. А его у русского флота нет²⁴.

Таким образом, в Берлине могли не беспокоиться до тех пор, пока Россия на юге не наберет достаточно сил для прорыва в Средиземное море.

Судя по общему тону и содержанию посланий в Берлин, германские атташе были настроены к Черноморскому флоту критически. Впрочем, их наблюдения могли соответствовать действительности.

Даже беглого взгляда достаточно, полагал Кейзерлинг, чтобы увидеть ветхость и запущенность кораблей. Так называемый активный флот состоял из двух старых линейных кораблей, двух крейсеров, 13 миноносцев, четырех подводных лодок и двух минных заградителей. Оружие, имеющееся в наличии на кораблях, по мнению германского атташе, было собрано произвольно и без всякого тактического обоснования²⁵. Еще более старые корабли находились в «резервном флоте». Они одновременно представляли собой и военные, и учебные суда, на которых проводились занятия по артиллерийской подготовке, применению торпед и проходили подготовку унтер-офицеры²⁶. Таким образом, «из-за архаичности и большого разнообразия типов эти корабли представляют собой не более чем плавающие платформы для строевой подготовки. К тому же их количество очень ограничено»²⁷.

Отказывая Черноморскому флоту в способности к активным боевым действиям, Кейзерлинг пытался выявить причины его такого состояния. Среди названных факторов фигурируют слабая материальная база, недостатки в руководстве, особенности русского национального характера, просчеты в обучении матросов и т. д. Так, например, у германского офицера вызвало неподдельное возмущение внешний вид кораблей. «Наверное, ремонтные работы предпринимаются, но никаких улучшений не происходит, лишь некоторые корабли очищаются от грязи. Конечно, очень мало денежных средств, но проблема коренится в недостатке чувства порядка у команды и офицеров»²⁸.

Безусловно, боеспособность флота зависела и от военных портов. «Их запущенность стирала различия между ними, и главная база флота — Севастополь опускался на один уровень с маленьким оборонным пунктом Керчью», — писал в Берлин Кейзерлинг. В плачевном состоянии находилось и южнорусское судостроение. Государственная верфь в Николаеве была «мертва» и представляла собой «скопище старых, плохо сохранившихся сооружений, включавших два покрытых деревом эллинга времен Петра Великого и императрицы Екатерины». Зато выгодно отличалась в Николаеве бельгийская верфь («Наваль»), которая курировалась двойным советом контроля — бельгийским и русским²⁹.

Немало места в донесениях кайзеру и руководителю военно-морского ведомства А. Тирпицу германские военно-морские атташе уделяли характеристике личного состава Черноморского флота. По мнению Гинце, у моряков отсут-

²³ Ibidem.

²⁴ В адрес одного из «вождей», командующего Черноморским флотом адмирала А. А. Эбергарда, Фишер-Лоссайнен заметил, что этот любезный, расфранченный старый холостяк пытается решать все вопросы за письменным столом, вместо того чтобы реально руководить эскадрой, нацеливая ее на решение учебно-боевых задач. — ВА-МА. RM 3 / 2857. Fischer-Löbeiner an Tirpitz. St. Petersburg. 20.6.1914.

²⁵ ВА-МА. RM 3 / 2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 20.6.1910.

²⁶ Ibidem.

²⁷ ВА-МА. RM 3 / 2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 15.6.1910.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

ствовала самодисциплина, все они страдали от «ничегонеделания». Так, за все время пребывания Гинце в Севастополе с места не сдвинулся ни один корабль³⁰. В свою очередь, Кейзерлинг заметил, что матросы Черноморского флота не особо стремятся стать настоящими профессионалами; они по-прежнему привязаны к земле и в душе остаются крестьянами³¹.

За обеспечение морских учений отвечал сам командующий «активного флота». Ему был подчинен командир учебной флотилии, который сохранял самостоятельность в вопросах так называемого специального образования. Обучение матросов начиналось зимой и длилось 5 месяцев. При этом большая часть времени уделялась теоретической подготовке. В апреле начинались выходы в море. Кейзерлинг утверждал, что у командования не было никакой специальной программы, учитывающей опыт прошлых учений. Сами учения из-за нехватки угля, как правило, проходили вблизи берегов, что создавало угрозу безопасности плавания. Поэтому управление осуществлялось только опытными капитанами. Молодые же офицеры не допускались к этому ответственному делу, а потому не имели практических навыков вождения судов³². По словам давно служивших офицеров повышению боеготовности мешало обилие устаревших предписаний, которые имели хождение со времен их юности. С одной стороны, они ничему не могли уже научить, а с другой — не давали возможность принимать самостоятельные решения³³.

Оставляли желать лучшего, по мнению германских атташе, взаимоотношения командиров и подчиненных. «Русские матросы в своих чувствах необузданны, — писал Гинце, — поэтому я хорошо понимаю тех офицеров, которые говорят мне о трудностях в общении с ними»³⁴. Фишер-Лоссайнен, выразив восхищение одному из офицеров за его бодрых и «интеллигентно» выглядевших матросов, выгодно отличавшихся от их нерасторопных товарищей Балтийского флота, услышал в ответ: «Да, это так, однако в их сердца вы заглянуть не можете»³⁵.

Особое внимание в донесениях уделялось распространению среди личного состава флота «мятежных настроений». Восстание на броненосце «Потемкин» в 1905 г. было настоящим потрясением для Гинце. Из опросов офицеров он сделал вывод о чистой случайности того, что мятежников не поддерживали другие корабли. «Теперь, — писал Гинце в апреле 1906 г., — этих людей так загрузили тяжелой работой, что к вечеру... они вряд ли могли думать о чем-либо кроме сна». В то же время отмечалось, что никакие меры не способны уничтожить мятежные настроения. Решения российских властей расформировать революционные экипажи и рассредоточить их по другим кораблям назывались ошибочными, так как недовольство привносилось в новые команды³⁶. «Брожение» среди матросов сохранялось до начала войны. В июне 1914 г. Фишер-Лоссайнен замечал, что среди команд Черноморского флота существует противостояние: «матросы кораблей, на которых происходили мятежи, держатся и сегодня обособленно от команд, оставшихся верных правительству». При этом лояльных командованию матросов в численном отношении меньше³⁷.

³⁰ Ibid. RM 5 / 1505. Hintze an Tirpitz. Sewastopol. 11.4.1906.

³¹ Ibid. RM 3 / 2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 11.7.1910.

³² Ibid. RM 3 / 2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 11.7.1910.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid. RM 5 / 1505. Hintze an Wilhelm II. Sewastopol. 11.4.1906.

³⁵ Ibid. RM 3 / 2857. Fischer-Loßbeiner an Tirpitz. St. Petersburg. 20.6.1914.

³⁶ Ibid. RM 5 / 1505. Hintze an Wilhelm II. Sewastopol. 11.4.1906.

³⁷ Ibid. RM 3 / 2857. Fischer-Loßbeiner an Tirpitz. St. Petersburg. 20.6.1914.

Итак, германские военно-морские атташе были невысокого мнения о боевой готовности Черноморского флота. По мнению Кейзерлинга, южный флот России можно сохранить, «если он будет держаться в стороне от военных действий»³⁸. Причем для улучшения ситуации одних денег недостаточно, и очень быстро вооружающиеся турки скоро будут иметь преимущество на море³⁹.

Несмотря на такую оценку боеспособности Черноморского флота, в Берлине верили в возможность существования угрозы со стороны России германским ближневосточным интересам. Так, обеспокоенный англо-русскими переговорами в 1907 г., кайзер писал Бюлову, что «так мы можем потерять Багдадскую железную дорогу, Малую Азию и ислам»⁴⁰. Учитывая это, германское правительство стало вынашивать планы развития военно-морских сил Турции. Этот факт имел, безусловно, политические и военно-стратегические цели. В первом случае Турция могла стать зависимой от германских военно-морских поставок. Во втором — можно было рассчитывать на турецкие морские силы в борьбе с Россией и Францией в Черном и Средиземном морях. Наконец, Россия будет вынуждена усиливать свой Черноморский флот, отвлекая тем самым значительные материальные средства от строительства флота на Балтике, который мог быть использован в будущей войне с Германией.

Однако решение продать Турции новейшие военные корабли натолкнулось на сопротивление германского военно-морского ведомства. В конце марта 1910 г. руководитель внешнеполитического ведомства Шоен сообщил германскому послу в Константинополе, что Турции может быть продан крейсер «Блюхер»⁴¹. Однако этого не случилось. После совещания с Тирпицем, начальником морского кабинета адмиралом Мюллером и Шоеном кайзер изменил первоначальное решение. 1 апреля 1910 г. он объяснил туркам, что продажа современного корабля стала бы большой жертвой для германского флота. Кроме того, военное судно, оснащенное новейшим оборудованием, может стать доступным для осмотра англичанами⁴².

Похожая ситуация произошла и с крейсером «Мольтке». Пытаясь сгладить ситуацию с «Блюхером», в июне 1910 г. Турции сообщили о возможности продажи другого крейсера, строительство которого планировалось завершить в 1911 году⁴³. Однако Тирпиц подал Вильгельму пространную записку, представлявшую все «за» и «против» этого проекта. Из нее недвусмысленно следовало, что аргументов «против» гораздо больше. К первому из них адмирал относил нежелание терять из состава германского флота, хотя бы на время, современный корабль. Далее повторялся тезис о недопустимости раскрытия технических секретов, что неизбежно последовало бы в случае допуска к крейсеру англичан. Наконец, формальной причиной отказа стало присвоение кораблю немецкого имени — фельдмаршала Мольтке⁴⁴. В итоге 14 июля 1910 г. Тирпиц уже мог удовлетворенно сообщить адмиралу Мюллеру, что сделка не состоится⁴⁵.

Однако долго таким положение оставаться не могло. Значимость политических дивидендов от продажи кораблей Турции была настолько очевидна,

³⁸ Ibid. RM 3 / 2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 20.6.1910.

³⁹ Ibid. RM 5 / 1503. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 19.10.1910.

⁴⁰ Цит по: Гришина М. И. Указ соч. С. 171.

⁴¹ Ibid. № 9808. Aufzeichnung des Staatssekretar des Auswartigen Amtes Freiherrn von Schoen. Berlin. 29.3.1910. S. 291.

⁴² Ibid. № 9810. Aufzeichnung des Staatssekretar des Auswartigen Amtes Freiherrn von Schoen. Berlin. 1.4.1910. S. 292-293.

⁴³ Ibid. № 9820. Der Reichskanzler von Bethmann Hollweg an das Auswartige Amt. Telegramm. Kiel. 26.6.1910. S. 303.

⁴⁴ BA-MA. RM 2 / 1644. Tirpitz an Wilhelm II. Berlin. 6.7.1910.

⁴⁵ Ibid. RM 2 / 1644. Tirpitz an Admiral von Müller. Telegramm. St. Blasien. 14.7.1910.

что Германия не хотела их терять. Требовалась определенность. Тем более турецкое правительство недвусмысленно показало, что вопрос больше не терпит отлагательства. Учитывая конкурентную борьбу Германии с Великобританией, военный министр Турции Махмуд Шевкет-паша в беседе с германским военным атташе Штремпелем в июле 1910 г. заявил, что в свете последних неудавшихся соглашений ему трудно отстаивать идею сотрудничества с Берлином. По его словам, морское дело в Турции, в том числе и обучение офицеров, издавна находилось под сильным английским влиянием. Поэтому неудивительно, что когда заходила речь о строительстве кораблей, то все думали, прежде всего, о размещении заказа в Англии, а никак не в Германии⁴⁶. Поэтому когда Шевкет-паша в первый раз предложил купить готовый немецкий корабль, то оказался в довольно сложном положении. О боевых судах с маркой «сделано в Германии» распускались невероятные слухи: и что они якобы дают осадку на 700 мм больше запланированной, и что миноносцы для увеличения скорости имеют слишком грубые формы, и т. д.⁴⁷.

Германским представителям дали прямо понять, что если в ближайшее время их страна не закрепится на турецком корабельном рынке, то вопросы сотрудничества могут отодвинуться как минимум на 10 лет. В Берлине посчитали это недопустимым и потому приняли решение о продаже Турции двух линейных кораблей додредноутского типа — класса «Бранденбург». По началу Тирпиц возражал, подчеркивая, как обычно, весомость данной потери для имперского флота. Однако в конечном итоге он согласился, так как признал политическую значимость договоренности.

В свою очередь, Вильгельм II был недоволен тем, что события развиваются медленно. Он предлагал все возможные меры для ускорения переговоров. По словам Мюллера, стоило большого труда доказать императору, что планируемое соглашение — шаг исключительно политический, а следовательно, нельзя его просто декретировать, не дождавись ответа рейхсканцлера Бетмана-Гольвега⁴⁸. Поскольку канцлер молчал, Вильгельм II потребовал от него через представителя внешнеполитического ведомства К. Тройтлера активизировать зондаж турецкой позиции. Для ускорения процесса кайзер предлагал морскому ведомству передать все нити переговоров военному атташе в Константинополе⁴⁹.

Хотя турки были разочарованы германским отказом продать современный дредноут, они согласились на два корабля класса «Бранденбург». Очевидно, что в Берлин стал рассматривать продажу кораблей, прежде всего, как политический акт, а не как коммерческую сделку, направленную на завоевание турецкого рынка. Тирпиц в письме к Мюллеру указывал, что суда для Турции предлагаются по низкой стоимости⁵⁰. Об этом же вспомнил в 1913 г. и Э. Капелле, подчеркнув, что цена тогда не соответствовала даже себестоимости корабля, что породило трудности при обсуждении соглашения в рейхстаге⁵¹.

Не меньшее значение придавалось и тому, как отправлять проданные корабли в Турцию, то есть два вместе или каждый по отдельности через определенный временной интервал. При этом командир дивизиона или его помощник

⁴⁶ G. P. Bd. 27 (1).. № 9821. Bericht des Militarattachés Majors von Stempel. Therapia. 3.7.1910. S. 303-305.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ BA-MA. RM 2 / 1644. Müller an Tirpitz. S. M. Y. «Hohenzollern». Drontheim. 20.7.1910.

⁴⁹ Ibid. RM 2 / 1644. K. Treutler an Reichskanzler. Drontheim. 19.7.1910.

⁵⁰ BA-MA. RM 2 / 1644. Tirpitz an Müller. St. Blasien. Telegramm. 14.7.1910.

⁵¹ BA-MA. RM 2 / 1644. Direktor des Verwaltungsdepartaments des Reichs Marine Amts E. Capelle an Wilhelm II. Berlin. 19.4.1913.

с командой могли остаться в Турции на год⁵². В принципе Вильгельм II поддерживал эту идею, только предлагал для руководства отряда кораблей назначить адмирала, как он сам говорил, для большего эффекта. Напротив, Г. Мюллер не считал необходимым отправку всего дивизиона сразу. Важным, по его мнению, был и вопрос о руководителе похода, так как, несмотря на то, что все капитаны были добросовестными людьми, для дипломатической миссии они не годились⁵³.

26 июля 1910 г. Турция приняла окончательное решение о покупке и выбрала корабли «Курфюрст Фридрих Вильгельм» и «Вайсенбург», как наиболее новые. Они должны были проследовать в Константинополь и управляться немецким экипажем. Последнему обстоятельству в Берлине придавали особое значение, поскольку это позволяло полностью контролировать процесс передачи кораблей и получить гарантии от всевозможных эксцессов. Согласно договору, зарплату немецкому экипажу выплачивало германское государство; на Турцию возлагалась оплата обратной дороги для экипажа.

30 августа 1910 г. оба корабля вошли в бухту Константинополя. Вскоре в Турции появились и другие немецкие суда: в частности, по контракту от января 1910 г. у Шварцкопфа было приобретено 4 новых эсминца⁵⁴. Правда, данная сделка стала последней перед войной. В апреле 1913 г. Капелле в письме Вильгельму II обосновал причины, по которым Германии стало нецелесообразно продавать Турции корабли класса «Бранденбург». Во-первых, это ослабляло мощь германского флота, а, во-вторых, Турция из-за сложного финансового положения была не в состоянии заплатить за них соответствующую цену⁵⁵.

Неудачно закончились и переговоры о продаже подводной лодки. В январе 1911 г. морской министр Мамед Мухтар обратился к германскому послу в Константинополе А. Маршаллю с пожеланием купить одну из трех подводных лодок, строящихся в Германии⁵⁶. Вильгельм II был согласен при условии соблюдения сверхсекретности договора и присутствия на лодке немецких офицеров. Кайзер хотел, чтобы Турция расценила это как дружественный жест, что позволило бы в будущем надеяться на лояльность турок при решении вопроса о размещении заказа на строительство кораблей для их флота на германских верфях⁵⁷.

Однако, как было сказано, покупка подводной лодки так и не состоялась. И дредноут Турция строила не в Германии, а в Англии. Прогермански настроенный Мамед Мухтар пытался заказать в Германии, у Круппа, хотя бы орудия для корабля, но английская фирма «Виккерс» согласилась взять заказ на дредноут только целиком, включая и вооружение. Контракт был подписан летом 1911 года⁵⁸.

Активная деятельность Берлина по продаже Турции боевых судов и большая заинтересованность Вильгельма II и его окружения в увеличении турецкого флота, заставляют задуматься о целях такой политики германского правительства. Какие дивиденды хотела иметь Германия от усиления турецких военно-морских сил?

Один из ответов очевиден: немцы пытались утвердить свое присутствие в Турции для обеспечения собственных ближневосточных интересов, а в дале-

⁵² Ibid. RM 2 / 1644. Tirpitz an Müller. St. Blasien. Telegramm. 14.7.1910.

⁵³ Ibid. RM 2 / 1644. Müller an Tirpitz. S. M. Y. «Hohenzollern». Drontheim. 20.07.1910.

⁵⁴ Шаццлло К. Ф. Указ соч. С. 115.

⁵⁵ ВА-МА. RM 2 / 1644. Capelle an Wilhelm II. Berlin. 19.4.1913.

⁵⁶ G. P. Bd. 27 (1). №9831. Marschall an Bethmann Hollweg. Pera. 9.1.1911. RM 2 / 1644. Direktor des Verwaltungsdepartaments des Reichs Marine Amts E. Capelle an Wilhelm II. Berlin. 19.4.1913. S. 314.

⁵⁷ Ibid. S. 315.

⁵⁸ Шаццлло К. Ф. Указ. соч. С. 120.

кой перспективе обрести и союзника в войне. Для этого необходимо было сократить до минимума английское влияние. И если реорганизацией турецкой армии занимались германские инструкторы из военной миссии Лимана фон Сандерса, то в турецком флоте приходилось соперничать с англичанами. Усиление военно-морских сил османской Турции под эгидой Германии было желательно и для того, чтобы привлечь дополнительные силы для борьбы против французов в Средиземном море.

Однако важен ответ и на вопрос, какого эффекта ожидала Германия от строительства турецкого флота в своих отношениях с Россией? Это, как представляется, самым непосредственным образом задевало интересы российского государства в черноморском регионе. Россия в свете неудачной политики в отношении проливов и слабости Черноморского флота должна была очень болезненно реагировать на любые действия, направленные на возрождение турецкого флота.

Именно так, очень настороженно, и восприняли русские дипломатические и военные круги сообщения о покупке Турцией новых кораблей. Еще в июне 1909 г. морской министр С. А. Воеводский обеспокоенно писал Извольскому о возможном приобретении турками трех дредноутов, строящихся в Англии. «Значение и последствия такого усиления Турции на Черном море, — замечал он, — заслуживает с нашей стороны самого внимательного отношения к этому вопросу, принимая во внимание, что каждый из этих трех кораблей по силе артиллерии превосходит весь наш Черноморский флот и что, следовательно, в случае приобретения их Турцией, владение Черным морем надолго перейдет в ее руки»⁵⁹. Через год, в апреле 1910 г., когда в процесс восстановления турецкого флота активно включилась и Германия, Воеводский уже серьезно выражал свою тревогу С. Д. Сазонову. Он указывал на опасность воссоздания «оттоманского флота», влекущего ослабление положения России на южном фронте, особенно в случае ее войны с западной коалицией⁶⁰.

Уже с первых шагов Турции по укреплению военно-морских сил в России стали подозревать, что за этим стоит Германия. Посол в Константинополе Н. В. Чарыков в частном письме от 15 августа 1909 г. указывал на готовность Турции к покупке дредноутов, что не в последнюю очередь было обусловлено «влиянием Германии, стремящейся, по политическим соображениям, к усилению турецкого флота во вред не только Англии, но и России»⁶¹.

С 1910–1911 годов русские дипломаты уже не сомневались в том, что Германия в своей политике в отношении турецкого флота преследовала вполне определенные цели: содействуя его строительству, немцы стремились отвлечь внимание и силы России на юг, с Балтийского моря на Черное. Об этом докладывал в рапорте Морскому генеральному штабу русский морской агент в Берлине Е. Беренс. «Германии, — писал он 20 июля 1911 г., — конечно, выгодно, чтобы мы побольше вкладывали в другие моря, кроме Балтийского, и поэтому она всячески будет стараться направить нас на путь Черноморского флота. Она прекрасно понимает, что чем больше денег пойдет туда, тем меньше останется на Балтику»⁶². Морской агент в Константинополе А. И. Щеглов писал,

⁵⁹ Архив внешней политики Российской империи (Далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 3062. Л. 1. Морской министр С. А. Воеводский — министру иностранных дел А. П. Извольскому. 25 июня / 8 июля 1906 г.

⁶⁰ Там же. Л. 75. Воеводский — министру иностранных дел С. Д. Сазонову. 24.04.1910.

⁶¹ Там же. Л. 16. Выписка из частного письма гофмейстера Н. В. Чарыкова. Буюкдерс. 15 / 28 августа 1909 г.

⁶² Российский государственный архив военно-морского флота. (Далее — РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 3590. Л. 22. Е. Беренс в МГШ. 20 июля 1911 г.

что «при общем назревающем столкновении Германии с Англией первой важно отвлечь внимание России на юг»⁶³.

Не исключали подобного развития событий и во Франции. 22 августа 1910 г. в «*Moniteur Oriental*» вышла статья о немецком участии в строительстве турецкого флота. Исходя из предположения, что Германия и в дальнейшем будет продавать Турции военные корабли, газета дала исторический экскурс развития отношений на Черном море. В итоге был сделан вывод, что Германия уже второй раз вынуждает Россию усилить свой Черноморский флот: в первый раз это произошло из-за позиции Бисмарка на Берлинском конгрессе 1878 г., и в настоящее время — благодаря содействию усилению турецких военно-морских сил⁶⁴.

Известно, что когда летом 1910 г. в Париж прибыл турецкий министр финансов Джавид-Бей для получения очередного займа для покупки корабля, русский посол А. И. Нелидов пытался помешать этому. Он указал министру иностранных дел Стефану Пишону на вредность для Франции русско-турецкого соперничества, т. к. это отвлекает средства от реорганизации русской армии⁶⁵. Однако Франция не вняла тогда этим доводам.

Имела ли Германия в действительности намерения отвлечь Россию от Балтийского моря и заставить ее строить Черноморский флот? Конечно, это вполне логичное заключение. В июне 1910 г. Кейзерлинг писал, что слабый Черноморский флот делает все более возможным принятие российским правительством решения о постройке нового флота. Побудительным толчком к этому должно стать усиление турецкого флота⁶⁶.

В октябре того же года Кейзерлинг доносил Тирпицу, что в результате активизации строительства турецкого флота русское морское министерство серьезно задумалось о том, что перед системой обороны русского черноморского побережья встанут новые задачи. «Призраком растущего турецкого флота, — писал атташе, — стал причиной полемики в русском морском министерстве: не следует ли вместо Балтийского флота возобновить строительство Черноморского флота, свернутое вследствие ограниченности денежных средств»⁶⁷. В свою очередь, Фишер-Лоссайнен указывал на нервозность в России по отношению к туркам. По его мнению, у народа и Думы неизбежно должно возникнуть понимание необходимости серьезного, дополнительного финансирования Черноморского флота⁶⁸.

Таким образом, заинтересованность Германии в отвлечении средств России с Балтийского моря в Черное очевидна. Учитывая ту роль, которую Берлин отводил военно-морским силам в противостоянии двух блоков перед войной, можно сказать, что, поощряя усиление турецкого флота, немцы стремились заставить российское правительство перераспределить средства в пользу Черноморского флота в ущерб Балтийскому. Это политическая линия имела немалое значение, но не выходила за определенные границы.

В вопросе о продаже кораблей Турции приоритетными оставались интересы германского флота. В пользу того, что акт купли-продажи был рассчитан больше на запугивание России, говорит тот факт, что, по сведениям русского посла в Берлине, слухи об усилении турецкого флота инспирировались и фабриковались в первую очередь самой же Германией⁶⁹.

⁶³ Цит. по: Шацлло К. Ф. Указ. соч. С. 116.

⁶⁴ G. P. Bd. 27 (1). № 9827. *Geschäftsträger in Konstantinopel von Miguel an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg. Therapia. 23.8.1910. S. 308-309.*

⁶⁵ Шацлло К. Ф. Указ соч. С. 112.

⁶⁶ ВА-МА. RM 3 / 2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 15.6.1910.

⁶⁷ Ibid. RM 5 / 1503. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 19.10.1910.

⁶⁸ Ibid. RM 3 / 2857. Fischer-Loßeinen an Tirpitz. St. Petersburg. 20.6.1914.

⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3590. Л. 22. Беренс в МГШ. 20 июля 1911 г.

Какие реальные плоды могла пожинать Германия от своей политики в Турции? В 1910 г. Кейзерлинг разочарованно писал, что, несмотря на бурные обсуждения проблемы строительства Черноморского флота в российской прессе и в Думе, дело не двигалось с места. Россия просто не имела средств, чтобы еще делать что-либо на Черном море⁷⁰.

Так оно в действительности и было. Но, кроме того, достаточно жестко выдерживались приоритеты. Морской министр С. А. Воеводский писал летом 1909 г. Извольскому, что «создавать в противовес нарождающемуся турецкому флоту соответствующий флот на Черном море представляется для России невыполнимым в течение еще долгого ряда лет, ввиду первенствующего значения для нас балтийского театра, заставляющего нас сосредоточить на нем все наши силы»⁷¹. На это же указал в конце 1910 г. Кейзерлинг, обвинив в неповоротливости морское министерство, которое не учитывало всех особенностей российской морской политики⁷².

Однако планы роста турецкого флота не могли не повлечь за собой ответной реакции со стороны России. В январе 1911 г. Государственная Дума наконец одобрила программу строительства Черноморского флота и выделила для этого 150,8 млн. рублей⁷³.

Таким образом, усилия Германии по восстановлению турецких военно-морских сил имели определенный успех. Россия была вынуждена заняться строительством Черноморского флота, оттянув часть материальных и финансовых средств от Балтийского флота. Однако эта политика Берлина органически вплеталась в общую стратегическую линию, нацеленную на формирование и укрепление военно-политического блока Центральных держав, закрытие проливов для России, внедрение в Турцию в рамках реформирования армии и восстановления турецкого флота, привлечение ее в качестве союзника в будущей войне.

ZUSAMMENFASSUNG

Im Artikel wird die Politik Deutschlands in Bezug auf die Entwicklung der Schwarzmeerflotte Russlands vor dem 1. Weltkrieg dargelegt. Deutschland strebte danach, Russland von der Ostsee abzulenken mit dem Ziel die Schwarzmeerflotte aufzubauen. Mit diesem Zweck hatte Deutschland zur Verstärkung der türkischen Seerüstungsmacht beigetragen. Solche Politik Berlins war vollkommen in die gesamte seemilitärisch-machtpolitische Konzeption eingedrungen, die auf die Bildung und Verbreitung der militärisch — politischen Bundesverbündetenmacht Deutschlands ausgerichtet war, sowie Blockierung von Schwarzmeereengen für Russland, Eindringen in die Türkei in Rahmen der Militärreformen und der Entwicklung der türkischen Flotte.

⁷⁰ ВА-МА. RM 5 / 1503. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 19.10.1910.

⁷¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3062. Л. 1.

⁷² ВА-МА. RM 5 / 1503. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 19.10.1910.

⁷³ Шаццлло К. Ф. Указ соч. С. 127.